

Починская Ирина Викторовна

**КНИГОПЕЧАТАНИЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – НАЧАЛА XVII ВЕКА
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ:
КОНЦЕПЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ГИПОТЕЗЫ**

**Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Работа выполнена на кафедре истории России ГОУ ВПО Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б. Н. Ельцина

Официальные оппоненты:

Парфентьев Николай Павлович,
д-р истор. наук, д-р искусствовед., профессор, заведующий кафедрой Искусствоведения и культурологии ФГБУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет»

Пихоя Рудольф Германович,
д-р истор. наук, профессор, заведующий Отделением «Исторический факультет» Института государственной политики и прикладных гуманитарных исследований ФГБУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»

Рогожин Николай Михайлович,
д-р истор. наук, профессор, руководитель Центра истории русского феодализма ФГБУН «Институт русской истории Российской академии наук»

Ведущая организация: Государственный исторический музей

Защита состоится «19» июня 2013 г. в 10.00 часов на заседании Диссертационного совета Д 004.011.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук» (620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук» по адресу 620026, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, д. 56.

Автореферат разослан «6» июня 2013 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
доктор исторических наук

832368

Е. Г. Неклюдов

Актуальность исследования истории изучения начального этапа русского книгопечатания определяется той ролью, которую изобретение И. Гутенберга сыграло в жизни цивилизации в целом и каждого народа в отдельности. Оно стоит в одном ряду с изобретением колеса, денег, письменности и т. п. Выстраивая этот ряд важнейших достижений человечества вряд ли ошибемся, поставив книгопечатание на одно из первых мест. Оно явилось поворотным пунктом в истории социума.

В настоящее время отечественная историография позволяет сказать о том, что русское книгопечатание возникло в середине XVI в. в контексте утверждения новой государственной идеологии и реформирования системы управления. В ходе непродолжительного периода определения места книгопечатания в структуре общественных институтов оно стало государственной монополией и превратилось в одно из орудий государственной политики, в средство ее реализации. Однако вслед за этой общей характеристикой становления русского книгопечатания, несмотря на огромное количество публикаций, при малейших попытках детализации процесса встает череда безответных вопросов. И предпринимаемые сегодня попытки поиска ответов на них, ответов, без которых картина перехода России в эпоху Нового времени теряет важные черты, явно недостаточны. Понять, почему это происходит, можно лишь проанализировав динамику развития исследований по истории раннего русского книгопечатания.

За четыре столетия изучения истории становления отечественного книгопечатания только в 50-х – 60-х гг. XX в., на волне подъема интереса к этой теме, предпринимались серьезные попытки оценки накопленного материала. Однако, во-первых, за прошедшие с тех пор полвека, появился новый историографический материал, требующий анализа. Во-вторых, работы середины XX в. не соответствуют современным требованиям, предъявляемым к историографическим исследованиям. В-третьих, в этих работах не охвачена литература, посвященная всему начальному периоду русского книгопечатания (вторая половина XVI – начало XVII в.). Как правило, в них рассматриваются только исследования, связанные с деятельностью анонимной типографии и типографии Ивана Федорова. В-четвертых, застой, в котором оказалось изучение истории раннего русского книгопечатания сегодня, еще больше актуализирует необходимость анализа трудов по теме.

Оценка интерпретаторских практик и методов осмысления отечественной историографией феномена становления книгопечатания в Российском государстве позволит подвести итог имеющимся в наши

дни знаниям об этом явлении, она даст возможность наметить направления дальнейших исследований начального этапа русского книгопечатания.

Прежде чем перейти к следующим характеристикам своей работы, считаем необходимым объяснить хронологические рамки того периода истории русского книгопечатания, который мы определяем как начальный этап.

История отечественного кириллического книгопечатания как любое социальное явление, имеет свои этапы развития, определяющиеся, с одной стороны, общими процессами трансформации социально-политической и экономической жизни России, с другой – логикой его внутреннего развития.

Однако заметим, что при всем многообразии литературы, посвященной различным аспектам русского книгопечатания, нет специальных работ, обосновывающих его периодизацию. Лишь в отдельных исследованиях, касающихся других проблем истории книги, встречаются весьма беглые и краткие высказывания об этапах развития отечественного книгоиздания. Предлагаемая учеными периодизация, как правило, не выходит за пределы XVII в. Над определением этапов развития книгопечатания задумывались П. А. Бессонов, В. Е. Румянцев, А. И. Некрасов, А. А. Сидоров, А. С. Зернова.

Проблема всех схем периодизации, предлагавшихся ранее, заключается в отсутствии четких критериев, на которых они строились. Исходя из собственного анализа истории русского кириллического книгопечатания и мнений предшественников об этапах его развития, хотелось бы предложить свое видение этого процесса. Нам представляется, что в основу периодизации должны быть положены изменения в организации книгоиздания и системе управления им, которые, указывая на место и роль, отводимые ему властью в государственной структуре, тем самым демонстрируют складывающуюся степень влияния печатной книги на общество в эти периоды. Внутри периодов могут быть выделены подпериоды, основанные, в первую очередь, на трансформации запросов общества, ведущих к изменению репертуара типографий, подхода к тексту, его подготовки к печати, оформлению книги и т. п.

Руководствуясь сформулированным выше принципом, предлагаем следующую периодизацию истории русского кириллического книгопечатания.

Первый период – середина XVI в. – 1619 г., становление книгопечатания. Длительность этого периода определяется сложностями политической жизни государства. Переходный период знаменуется реорганизацией системы управления книгоизданием, осуществленной патриархом Филаретом.

Второй период – 1620 г. – конец XVII в., верхний рубеж этапа определяется прекращением патриаршества в результате церковной политики Петра I, что повлекло за собой существенные изменения в управлении Московской типографией и в ее финансировании.

Третий период охватывает XVIII в., который характеризуется адаптацией официального кириллического книгопечатания к условиям активизации перехода общества от традиционного к современному.

Кроме того, XVIII в. в истории русского кириллического книгопечатания отмечен началом новой линии его развития, в какой-то степени обеспечившей продолжение иосифовской программы реформирования книгоиздания. Это старообрядческое книгопечатание, имеющее собственную периодизацию.

Объектом исследования является комплекс работ отечественных ученых по теме возникновения и становления русского книгопечатания середины XVI в. – 1619 г.

Предметом является процесс накопления и развития научных знаний по проблемам, связанным со становлением русского книгопечатания, формирование и развитие концептуальных подходов, теорий, гипотез, их сравнительный анализ и верификация, поиски новых путей в исследовании темы.

Хронологические рамки диссертации определяются длительностью периода формирования и эволюции представлений об истории начального этапа отечественного книгопечатания. Нижней границей исследования являются первые упоминания об истории книгопечатания в отечественной литературе, которые относятся к началу XVII в. Поскольку разработка истории книгопечатания второй половины XVI – начала XVII в. продолжается до настоящего времени, верхней границей исследования можно считать начало XXI в.

Территориальные рамки. Диссертационная работа рассматривает отечественную историографию большого хронологического периода, в течение которого неоднократно менялись не только название государства, но и его границы. В связи с этим территориальные рамки нашего исследования тоже изменяются во времени. Мы рассматриваем труды по проблемам русского кириллического книгопечатания второй половины XVI – начала XVII в., написанные авторами, жившими на территории Русского государства, Российской империи, СССР или проживающими ныне в Российской Федерации.

Степень изученности темы. Историография истории раннего этапа русского книгопечатания невелика. Формирование традиции анализа литературы по истории русского книгопечатания второй половины XVI – начала XVII в. относится ко второй половине XIX в. Оно связано с появлением рецензий В. В. Стасова на рукопись работы

Д. А. Ровинского, посвященной русской гравюре, возникновение которой было определено началом книгопечатания¹, а также с рецензией архимандрита Леонида (Кавелина) на каталог кириллических книг И. П. Каратаева².

Целенаправленные попытки проанализировать накопленный материал по теме относятся к советскому периоду отечественной историографии. При этом следует отметить, что в первых работах по проблемам изучения книжной культуры главное внимание было обращено на общетеоретические исследования³.

Анализ конкретно-исторических работ по проблемам раннего русского книгопечатания появился только в 1935 г.⁴ В статье Р. М. Тонковой жесткой критике были подвергнуты практически все дореволюционные публикации, их авторы обвинены в том, что выражают интересы господствующего класса. Не менее критически были оценены и публикации первых лет советской власти, особенно труды украинских исследователей, осужденных в начале 1930-х гг. за следование буржуазно-националистической идеологии. В том же сборнике, где печаталась статья Р. М. Тонковой, была опубликована первая библиография работ, посвященных жизни и деятельности Ивана Федорова, составленная А. П. Лебединской⁵.

Историографические разделы имели диссертационные исследования по проблемам первых лет русского книгопечатания, которые были защищены в 1950-х – 1960-х гг.⁶ Они составлялись по типовой схеме, сложившейся к тому времени, и содержали общую информацию о работах того или иного автора с указанием основного аспекта

¹ См.: *Стасов В. В.* Разбор рукописного сочинения Д. А. Ровинского «Обозрение русского гравирования на металле и на дереве до 1725 года» // Отчет о втором присуждении наград графа Уварова. СПб., 1858. С. 3–72; *Его же.* Разбор рукописного сочинения Д. А. Ровинского «Русские граверы и их произведения» // Отчет о седьмом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1864. С. 13–54.

² *Леонид (Кавелин), архим.* Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами Т. 1. И. Каратаева // Журнал Министерства народного просвещения, 1884. № 5. С. 39–54.

³ См.: *Берков П. Н.* Развитие истории книги, как науки: Опыт историографического обзора // Труды Музея книги, документа и письма. I. Статьи по книговедению. Л., 1931. С. 47–79.

⁴ См.: *Тонкова Р. М.* Иван Федоров в юбилейной литературе 1864–1924 // Иван Федоров первопечатник. М., 1935. С. 199–200.

⁵ См.: *Лебединская А. П.* Материалы для библиографии Ивана Федорова 1564–1933 гг. // Иван Федоров первопечатник. М., 1935. С. 213–277.

⁶ См.: *Орлов Б. П.* Полиграфическая промышленность Москвы: Очерк развития до 1917 г. М., 1953. Монография написана по материалам диссертации, защищенной в 1951 г.; *Сатуннов Б. В.* Исторические предпосылки возникновения книгопечатания в России. (Опыт критического пересмотра вопроса): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Л., 1954; *Калыда Г. И.* Иван Федоров первопечатник (Московский период его деятельности): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1961.

исследований без подробного анализа концепций, гипотез и их аргументации.

Краткий историографический обзор содержится в монографии А. А. Сидорова, посвященной развитию русской гравюры⁷. Однако подробно он характеризует только публикации В. В. Стасова и Д. А. Ровинского, давая высокую оценку их вкладу в изучение русской гравюры. Но определению значения работ этих исследователей в рассмотрении истории книгопечатания автор не уделил должного внимания.

Ряд публикаций, оценивающих достижения в исследовании истории раннего книгопечатания появился в 1964 г. в связи с празднованием 400-летия выхода в свет первой точно датированной московской печатной книги. Среди этих публикаций необходимо отметить статью А. А. Сидорова «Узловые проблемы и нерешенные вопросы ...»⁸. Она была новой по форме подачи аналитического материала, ученый попытался в соответствии с названием статьи выделить основные проблемы изучения первых лет московского книгопечатания. Однако, формулируя эти проблемы, А. А. Сидоров сосредоточил внимание на аспектах, тематически близких собственным исследованиям.

Краткая статья, практически на уровне перечисления имен, информирующая о достижениях в изучении истории книгопечатания, была помещена в первом томе двухтомного сборника очерков по истории книгопечатания народов Советского Союза, изданного к юбилейной дате⁹.

Самостоятельное значение исследование историографии возникновения русского книгопечатания и первых лет его существования приобрело в творчестве одного из крупнейших современных книговедов Е. Л. Немировского¹⁰. В ходе подготовки кандидатской диссертации исследователем было рассмотрено состояние вопроса о начале книгопечатания и деятельности Ивана Федорова не только в отечественной литературе, но и в зарубежной, особенно подробно — в поль-

⁷ См.: Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951. С. 7–14.

⁸ См.: *Его же*. Узловые проблемы и нерешенные вопросы истории русского книгопечатания // Книга: Исследования и материалы. М., 1964. С. 13–36.

⁹ См.: Горбунов Т. С., Немировский Е. Л., Сидоров А. А. Введение // 400 лет русского книгопечатания. 1564–1964. М., 1964. Т. 1. Русское книгопечатание до 1917 года. С. 19–23.

¹⁰ См.: Немировский Е. Л. Источниковедение и историография русского первопечатания. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964.

ской¹¹. Эти материалы в несколько отредактированном и дополненном виде были переизданы в начале XXI в.¹²

Вопросы историографии в той или иной степени затрагивались Е. Л. Немировским и в большинстве его работ по истории раннего русского книгопечатания, но принципиально новых дополнений к трудам 1960-х гг. в них не было внесено. Логическим продолжением историографических исследований ученого стали библиографические работы¹³. Ученым был дан обзор мероприятий и публикаций, посвященных 400-летию со дня смерти Ивана Федорова¹⁴. Подведением итогов изучения первых лет русского книгоиздания, по замыслу ученого, должна была стать его масштабная работа, выполненная в виде энциклопедии, «Иван Федоров и его эпоха» (М., 2007).

К числу несомненных достоинств историографических исследований Е. Л. Немировского относится его обращение к биографиям ученых и, что еще важнее, к архивам некоторых из них, это дало возможность характеризовать неопубликованные работы, а в дальнейшем и издать ряд из них¹⁵. В электронном варианте историографических очерков Е. Л. Немировского информация о деятельности отдельных исследователей книгопечатания, трудившихся в XX в., была оформлена в виде портретных зарисовок. Видимо, эти зарисовки послужили основой для подготовки самостоятельного издания¹⁶.

¹¹ См.: *Немировский Е. Л.* Польские труды по истории книгоиздательского дела и книгопечатания // Книга. Исследования и материалы. 1962. Сб. 6. С. 255–266; *Его же.* Историографические заметки о начале книгопечатания на Руси // Там же. Сб. 7. С. 239–263; *Его же.* Очерки историографии русского первопечатания // Там же. 1963. Сб. 8. С. 5–42; *Его же.* Труды по истории русского первопечатания во второй половине XIX–XX веках // Там же. 1964. Сб. 9. С. 389–437. К этим публикациям добавим еще краткий вариант изложения материалов вышеперечисленных статей: *Немировский Е. Л.* 400 лет историографии русского и украинского первопечатания // Федоровские чтения. 1973. М., 1976. С. 35–41.

¹² См.: *Его же.* Иван Федоров и возникновение книгопечатания в Москве и на Украине // КомпьюАрт, 2002. № 9, 11; 2003. № 1–5. URL: <http://compuart.ru/article.aspx?id>. В № 5 за 2003 г. вошли материалы, касающиеся историографии начального этапа книгопечатания после 1964 г.; *Его же.* К вопросу о достоверности сведений о кирилловских изданиях, сообщаемых Сопиковым // Национальная библиотека в современном социокультурном процессе. М., 2002. Вып. 1. С. 284–286; *Его же.* Иван Федоров и его эпоха. Энциклопедический словарь. М., 2007. С. 397–405.

¹³ См.: *Его же.* Начало книгопечатания в Москве и на Украине. Жизнь и деятельность первопечатника Ивана Федорова. Указатель литературы. 1574–1974. М., 1975; *Его же.* Первopечатник Иван Федоров. Описание изданий и указатель литературы о жизни и деятельности. Львов, 1983; *Его же.* Иван Федоров. Начало книгопечатания на Руси: описание изданий и указатель литературы: к 500-летию со дня рождения великого русского просветителя. М., 2010.

¹⁴ *Его же.* 400-летие со дня смерти Ивана Федорова // Книга: Исследования и материалы. М., 1984. С. 216–225.

¹⁵ См.: *Викторов А. Е.* Описание безвыходных печатных книг: [Не опубликованная работа] // Федоровские чтения. 1974. М., 1976. С. 78–95.

¹⁶ См.: *Немировский Е. Л.* Жизнь для книги: документальные портреты-очерки. М., 2007.

Глубина анализа отдельных работ или их комплекса, принадлежащего одному исследователю, в историографических работах Е. Л. Немировского весьма различна. В большинстве своем, особенно когда речь идет о трудах XX в., эти характеристики даны в описательном ключе, называются исследуемые проблемы, причем далеко не все, но нет изложения и оценки ряда важнейших гипотез и выводов.

Историографических работ, освещающих исследование истории книгопечатания конца XVI – начала XVII в. практически нет, поскольку и самих исследований этого периода немного.

Наиболее популярным в литературе персонажем этого периода, имеющим отношение к книгопечатанию, является А. М. Радишевский. Проблему отражения в литературе жизни и деятельности мастера проанализировал в своей монографии Е. Л. Немировский¹⁷.

Близкими к историографическим можно считать статьи из «Словаря книжников и книжности Древней Руси», посвященные мастерам печатного дела и отдельным памятникам письменности, касающимся книгопечатания¹⁸. В ряде статей указано наличие разных точек зрения на вопросы, связанные с жизнью и деятельностью исторического персонажа или атрибуцией памятника, а также в этих статьях приведены достаточно полные списки литературы.

К указанному выше ряду биографических очерков, написанных Е. Л. Немировским, следует добавить публикации других авторов¹⁹. В большинстве своем они в общих чертах характеризуют заслуги лица, которому посвящены, но такого рода публикации позволяют лучше

¹⁷ См.: *Немировский Е. Л.* Анисим Михайлов Радишевский (около 1560 – около 1631 г.). М., 1997. С. 3–19.

¹⁸ См.: *Сазонова Л. И.* Андроник Тимофеев // СККДР. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1. А–К. С. 40–42; *Немировский Е. Л.* Иван Федоров (Москвитин) // Там же. С. 388–393; *Лыбунцев Ю. А.* Иван Андроников Неужин // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3. (XVII в.). Ч. 2. И–О. С. 7–8; *Солодкин Я. Г.* Летописец Пискаревский // Там же. С. 269–274; *Гусева А. А., Сазонова Л. И.* Радишевский Анисим Михайлович // СККДР. СПб., 1998. Вып. 3. (XVII в.). Ч. 3. П–С. С. 290–295; *Булантин Д. М.* «Сказание известно о воображении книг печатного дела» // Там же. С. 388–390; *Сазонова Л. И., Солодкин Я. Г.* Фофанов Никита Федоров // СККДР. СПб., 2004. Вып. 3. (XVII в.). Ч. 4. Т–Я. С. 179–184.

¹⁹ См., например: *Кобленц И. Н.* Андрей Иванович Богданов. М., 1958; *Горячева Р. И.* Алексей Алексеевич Сидоров. М., 1964 (материалы библиографии ученых СССР). М., 1974 (материалы библиографии ученых СССР); *Каменова Т. Н., Клевенский М. М.* и др. Памяти Н. П. Киселева (1884–1965) // Книга: Исследования и материалы. М., 1966. Сб. 12. С. 277–280; *Каменова Т. Н.* Антонина Сергеевна Зернова // Федоровские чтения. 1974: К 50-летию преобразования Румянцевского музея в Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина. М., 1976. С. 129; *Маркушевич А. И.* Николай Петрович Киселев // Там же. С. 110–122; *Грачева О. А., Сокольская К. П.* Николай Петрович Киселев: Библиографический указатель. М., 1984; *Кызласова И. Л.* Профессор Алексей Иванович Некрасов // *Некрасов А. И.* Теория архитектуры. М., 1994. С. 5–15; *Кобленц И. Н.* Источники и деятели рус. библиографии XV–XVIII вв. М., 1991; укажем целый раздел в сборнике: К 80-летию со дня рождения Евгения Львовича Немировского // Федоровские чтения. 2005. М., 2005. С. 5–88 и др.

понять интересы того или иного исследователя, причины и обстоятельства, повлиявшие на формирование его взглядов.

Необходимо также отметить статьи в жанре рецензии, дающие оценки отдельным работам или ряду работ одного автора, которые отражают его точку зрения на определенную научную проблему²⁰.

Таким образом, анализ трудов по истории начального этапа русского книгопечатания слабо отражен в научной литературе. Только исследования Е. Л. Немировского специально посвящены подробному анализу работ, затрагивающих возникновение и становление отечественного книгопечатания. Однако в этих исследованиях рассмотрен не весь период, определяемый нами как начальный этап русского книгопечатания. К тому же, несмотря на то, что автор неоднократно переиздавал результаты своих исследований, внося небольшие коррективы, методологический подход оставался неизменным, соответствующим требованиям советской историографии начала 60-х гг. XX в.

На современном этапе развития исторической науки необходим детальный анализ историографии, базирующийся на новых теоретических подходах.

Цель и задачи исследования. Цель диссертации дать комплексный и системный анализ отечественной литературы по теме возникновения и становления русского книгопечатания, направленный на выявление взглядов исследователей, их концепций, теорий, гипотез для того, чтобы понять современное состояние знаний и определить направления дальнейших исследований.

История раннего книгопечатания, входящая в комплекс аспектов, исследуемых книговедением, теснейшим образом связана с целым рядом других направлений книговедческого цикла, в особенности с библиографией. В связи с этим хотелось бы отметить, что вопросы описания памятников, представляющие самостоятельную сложную проблему, в диссертации не рассматриваются. К публикациям описаний старопечатных книг мы будем обращаться только как к историографическим источникам, вводящим в научный оборот издания и отражающим взгляды составителей каталогов на историю книгопечатания. Критика принципов описания не входит в круг рассматриваемых нами проблем.

²⁰ См., например: *Коростин А. Ф.* Рец. на работу Сидорова // Советская книга, 1947. № 8. С. 113–122; *Исаевич Я. Д.* Трилогия об Иване Федорове // Советское славяноведение, 1981. С. 114–117; *Баренбаум И. Е.* К биографии Ивана Федорова // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 135–138; *Починская И. В.* Размышления по поводу гипотезы существования типографии в Казани в XVI в. // Федоровские чтения. 2007. М., 2007. С. 122–131; *Ее же.* Казанские земли – колыбель русского книгопечатания?! // Вестник Уральского отделения РАН, 2011. № 4. С. 119–125; *Шаромазов М. Н.* Об атрибуции и датировке безыходного Евангелия // Вестник музея «Невьянская икона». Екатеринбург, 2006. Вып.2 С. 184–189; и др.

Исходя из цели исследования, определен следующий круг задач:
– дать общее представление об этапах развития знаний по истории раннего русского книгопечатания;

– проанализировать работы представителей русской историографии XVII – начала XXI в. и выявить основные проблемы, находившиеся в поле зрения исследователей;

– осветить процесс становления проблематики исследований и ее эволюцию на различных этапах развития исторической науки;

– охарактеризовать особенности подходов к исследованию проблем истории раннего этапа русского книгопечатания и проанализировать построенные на их основе концепции и гипотезы по различным аспектам темы;

– изучить дискуссии по наиболее актуальным проблемам темы исследования и провести верификацию систем доказательства концепций, гипотез и мнений;

– проследить преемственность научных взглядов в отечественной историографии;

– определить неизученные или слабо изученные аспекты истории начального этапа русского книгопечатания, сформулировать направления дальнейших исследований в рамках темы.

Источниковая база исследования. Источниковую базу исследования составили более 350 историографических источников, включающих разножанровые труды XVII–XXI вв., рукописные и печатные, в которых затронуты проблемы становления и развития русского книгопечатания: нарративные сочинения периода накопления исторических знаний; монографии, статьи, рецензии, библиографические работы периода развития исторической науки.

Для всесторонней оценки и верификации точек зрения авторов привлекались исторические источники, имеющие как прямое отношение к истории книгопечатания, так и косвенное, характеризуя исторический фон. Эта группа источников делится на документальные и нарративные.

К документальным источникам отнесены акты (духовная грамота Ивана IV), делопроизводственная документация (Приказа Большого дворца, Печатного книжного дела, судебные дела, связанные с жизнью Ивана Федорова на западнорусских землях, документация Краковского университета начала XVI в., писцовые книги Казани и Свяжска XVI в. и др.).

Диапазон нарративных источников, использованных в работе, довольно разнообразен и включает сочинения русского традиционного круга чтения: географические (Список городов русских), исторические (Повесть временных лет), публицистические («Просветитель» Иосифа Волоцкого), агиографические (Житие св. Гурия и Варсоно-

фия), послесловия старопечатных книг. Кроме этого в диссертации использовались записки иностранных путешественников по России (Р. Барбирини, Д. Флетчера, А. Поссевино), более поздние публикации мемуарного характера (например, воспоминания Е. В. Барсова о В. Е. Румянцеве, П. А. Плетнева о Я. И. Бередникове).

Особую группу исторических источников составили старопечатные издания XVI – начала XVII в., выпущенные в рассматриваемый в диссертации исторический период, а также книги, изданные позднее и использованные нами для получения необходимого сравнительного материала.

Методология и методы исследования. В качестве теоретико-методологической базы диссертационного исследования взяты ряд положений неклассической и постнеклассической методологии.

В основу работы положены исследования американского физика и философа Т. Куна, разработавшего в 60-е гг. XX в. теорию развития естественных наук²¹, которая составляет фундамент современной философии науки. На наш взгляд, основные положения теории Т. Куна достаточно точно отражают и процесс развития гуманитарного знания. В соответствии с этой теорией, наука проходит через сменяющие друг друга периоды равновесия, «нормальной науки», и потрясений, «научных революций». Эти этапы определяются сменой парадигм, господствующих научных представлений, новыми в результате кризиса первых, обусловленного вызовами времени. Т. Куном был прослежен и зафиксирован процесс развития знаний, выражающийся в рождении, распространении и уходе с авансцены научной идеи, учения, парадигмы. В процессе развития науки, по мнению Т. Куна, решающую роль играют социокультурные факторы.

В своей работе мы опирались также на теоретические принципы и подходы, разрабатываемые в рамках интеллектуальной истории, направления социальной истории в современном постмодернистском (постнеклассическом) ее понимании²². Формирование направления и заявление о себе, как о самостоятельном научном течении, относится к рубежу 80–90 гг. XX в. Его становление связано с именами европейских и американских исследователей, таких как Х. Уайт²³,

²¹ См.: Кун Т. Объективные, ценностные суждения и выбор теории // Современная философия науки. М., 1996. С. 40–60; Структура научных революций // Структура научных революций. М., 2003. С. 9–268; *Его же*. Замечания на статью И. Лакатоса // Там же. С. 577–592; и др.

²² Об этом подробнее см.: Ретина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009; *Ее же*. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011; и др.

²³ См.: Уайт Х. Метонистория: историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002.

Ф. Анкерсмит²⁴, Р. Коллинз²⁵, Р. Смит²⁶, Дж. Ливайн²⁷, У. Шнайдер²⁸ и др. В 1994 г. было создано Международное общество интеллектуальной истории, в 2001 г. – Российское, имеющее сеть отделений по всей стране. Российское общество возглавляет член-корреспондент РАН Л. П. Репина, в трудах которой нашли наиболее полное отражение история становления направления и его методологическая основа²⁹.

Интеллектуальная история занимается изучением исторических аспектов всех видов творческой деятельности людей. Главным парадигмальным подходом к анализу интеллектуальных процессов в рамках этого направления является признание «неразрывной связи между историей самих идей и идейных комплексов, с одной стороны, и историей условий и форм интеллектуальной деятельности, с другой»³⁰. В связи с этим особое внимание уделяется анализу контекста деятельности индивида, контекста создания продукта его творческой деятельности. Контекст рассматривается, «как ситуация, задающая не только социальные условия любой деятельности, но также конкретные вызовы и проблемы, которые требуют разрешения в рамках этой деятельности»³¹. Это положение интеллектуальной истории оказалось особенно близким и привычным для нас, поскольку оно было сформулировано еще в 60–70 гг. XX в. в определении полевой археографии. В нем указывалось на необходимость изучения памятников книжно-рукописной традиции, в том числе и старопечатной книги, в среде их бытования³².

Исходя из названного выше теоретического положения интеллектуальной истории, мы в своей работе пытались учесть двухуровне-

²⁴ См.: Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М., 2007.

²⁵ См.: Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.

²⁶ См.: Смит Р. История и история наук о человеке: чей голос? // Коллаж – 3. Социально-философский и философско-антропологический альманах. М., 2000. С. 6–26.

²⁷ См.: Ливайн Дж. Интеллектуальная история как история // Диалог со временем, 2005. Вып. 14. С. 37–57.

²⁸ См.: Шнайдер У. Словарь интеллектуальной истории: презентация проекта // Там же. С. 52–65.

²⁹ См.: Репина Л. П. Интеллектуальные сообщества как объект и предмет сравнительно-исторического исследования: проблемы методологии // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительно-исторической перспективе. М., 2007. С. 89–92; *Ее же*. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2008. Вып. 25 (1). С. 5–11; *Ее же*. Интеллектуальные традиции и научные школы: к методологии исследования // Историк и его дело. Ижевск, 2008. Вып. 8. С. 5–12; и др.

³⁰ *Ее же*. «Новая историческая наука» и социальная история. С. 255.

³¹ *Ее же*. Контексты интеллектуальной истории. С. 6.

³² См.: Амосов А. А., Бударагин В. П., В. В. Морозов, Р. Г. Пихая. О некоторых проблемах полевой археографии (в порядке обсуждения) // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск, 1983. С. 5.

вый характер отражения исторических реалий в историографических исследованиях с учетом внешних факторов, обусловивших формирование оценочных подходов к ним: во-первых, субъектом эпохи предмета исторического исследования, во-вторых, субъектом предмета историографического исследования на основании оценки интерпретации субъекта первого уровня.

Другое теоретическое положение интеллектуальной истории, использованное нами в своем исследовании – это проблемная его ориентированность. По мнению Дж. Ливайна, такой подход позволяет «представлять мысль в динамике – как ответ на конкретные проблемы и меняющиеся ситуации»³³.

Междисциплинарный характер исследования интеллектуальной истории определяет широкий комплекс методов исследования, как общеисторических, так и используемых специальными историческими дисциплинами:

- эвристический метод, направленный на разыскание и фиксацию необходимых источников, как исторических, так и историографических;

- методы проблемно-хронологического, ретроспективного анализа дали возможность рассмотреть изучение актуальных проблем темы в развитии, от возникновения до современного состояния;

- историко-типологический метод, позволивший систематизировать точки зрения ученых в зависимости от степени их сходства или различия;

- историко-сравнительный метод, который позволил в изучении конкретно-научных теорий, концепций, гипотез лучше понять их своеобразие и, вследствие этого, точнее определить их роль в изучении темы;

- историко-литературный метод, направленный на анализ памятников рукописной традиции, старопечатных изданий, включающий исследование послесловий и предисловий, при необходимости текста книг;

- комплекс методов кодикологического и книговедческого анализа, таких как палеографический, филигранологический, полиграфический и др. активно использовался в ходе работы с памятниками письменности.

В ходе использования этих методов применялись конкретные познавательные средства: анализ, синтез, индукция, дедукция и др.

Научная новизна исследования заключается в том, что на основе современных методологических подходов к исследованию, на базе широкого круга историографических и исторических источников

³³ Ливайн Дж. Интеллектуальная история как история. С. 51.

написана обобщающая работа, дающая целостное представление о ходе изучения истории русского книгопечатания второй половины XVI – начала XVII в. в трудах отечественных ученых. Хронологические рамки предмета исторического исследования определены диссертантом как первый этап периодизации истории русского кириллического книгопечатания, предложенной автором работы на основе самостоятельно выработанного критерия.

Впервые в полном объеме освещено изучение истории книгопечатания конца XVI – начала XVII в. Предпринимавшиеся прежде в литературе попытки анализа историографии темы затрагивали только период до 1566–1567 гг.

Предложена авторская периодизация историографии темы. Широкие хронологические рамки диссертации дали возможность проследить динамику процесса познания, выявить особенности каждого его периода, установить нерешенные вопросы темы.

Новаторский характер диссертации заключается в самой постановке проблемы, имеющей целью рассмотреть и проанализировать теории, концепции, гипотезы по вопросам возникновения и первых десятилетий развития отечественного книгопечатания. Благодаря новому подходу автором было прослежено развитие актуальных проблем исследования на протяжении всей истории их существования, подчеркнуты достоинства и недостатки точек зрения многих ученых, выявлен ряд незаслуженно забытых разработок.

Критика различных мнений ученых проведена на стыке историографических и исторических методов исследования: для верификации рассматриваемых гипотез были привлечены результаты анализа исторических источников, осуществленного диссертантом, в том числе, источников, введенных в научный оборот или рассмотренных в контексте истории книгопечатания впервые.

Внесен важный вклад в установление исторической справедливости благодаря произведенной переоценке роли ряда исследователей в изучении истории раннего русского книгопечатания.

Определены перспективы изучения начального этапа отечественного книгопечатания. Указаны конкретные направления исследований, которые могут дать успешные результаты.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Систематизированный и проанализированный в диссертации историографический материал, сделанные выводы и обобщения подводят итог 400-летнему исследованию начального этапа русского книгопечатания в отечественной историографии.

Диссертация вносит вклад в изучение общих процессов развития отечественной исторической науки через их проявление в исследовании конкретных тем.

Работа может стать отправной точкой для начала нового этапа исследований по истории русского книгопечатания, ее материалы могут быть использованы при подготовке фундаментальных трудов по истории России, а также общих и специальных учебных курсов по историографии.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Вторая половина XVI – начало XVII в. (до 1619 г.) представляет собой самостоятельный период в истории отечественного книгопечатания, который был вычленен на основании критерия периодизации, предложенного диссертантом – изменения в организации книгоиздания и системе управления им (они указывают на место и роль издательского дела, отводимые ему властью в государственной структуре, и тем самым демонстрируют складывающуюся степень влияния печатной книги на жизнь общества в те или иные периоды).

2. Изучение истории русского кириллического книгопечатания второй половины XVI в. – 1619 г. прошло шесть этапов развития: 1) начало XVII – первая треть XVIII в.; 2) середина – вторая половина XVIII в.; 3) первая половина – середина XIX в.; 4) вторая половина XIX – первая треть XX в.; 5) 30-е гг. XX в. – середина 70-х гг.; 6) вторая половина 1970-х – начало 2000-х гг.

3. Длительная история изучения первых лет русского книгопечатания, особенно повышенный интерес к этим проблемам советской историографии, сформировала общие представления о месте и роли механического способа тиражирования книг, однако рассмотрение конкретных вопросов, в большинстве своем, не привело научное сообщество к их решению, а только породило массу разнообразных гипотез и споров. Главная причина сложившейся ситуации кроется в узости источниковой базы исследований, вынуждающей ученых в ходе работы широко использовать косвенные данные и прибегать к логическим рассуждениям, которые и создают благоприятную почву для не всегда достаточно обоснованных допущений.

4. В советской историографии сложилась традиция систематизировать работы исследователей в соответствии с основным аспектом истории книги, ими рассматриваемым и, соответственно, оценивать данные труды с точки зрения вклада в освещение только этого аспекта. Такой подход привел к недооценке роли ряда исследователей в решении вопросов истории раннего книгопечатания. В связи с этим необходимо, например, отдать должное вкладу в формирование основ советской методологии и методики изучения раннего русского книгопечатания А. А. Гераклитова, которого принято считать разработчиком только фактологических аспектов темы, А. А. Сидорова, которого относят к исследователям искусствоведческих аспектов истории печатной книги и др.

5. Вторая половина 1990–2000-х гг. принесла некоторое оживление в изучение книгопечатания рубежа XVI–XVII вв., основанное на новых подходах к исследованию, на более глубоком и всестороннем анализе того минимума источников, которое сохранило нам время. Сделаны важные шаги на пути атрибутирования отдельных изданий как с помощью исследования исторического контекста их создания и бытования, таки благодаря углублению книговедческого анализа.

6. Проблемы изучения условий возникновения и освоения техники книгопечатания русскими мастерами, являясь политически важными, всегда привлекали самое пристальное внимание исследователей, но особенно они были актуализированы в советские годы. Отрицание некоторыми советскими учеными иностранного влияния на возникновение московского книгопечатания на самом деле не было отрицанием его как такового. Это был отказ от признания западноевропейского влияния, но не славянского.

7. Комплекс вопросов, связанный с проблемой учредителей первых полиграфических заведений России и с объяснением причин прекращения их деятельности, относится к числу важнейших в исследовании русского книгопечатания. В ответах на эти вопросы кроются основные характеристики своеобразия становления печатного книжного дела в России. Однако за годы развития отечественная историография не нашла на них четких ответов.

8. Вопрос определения последовательности выхода в свет анонимных изданий и их датировки принадлежит к числу наиболее трудно решаемых. С учетом имеющейся на сегодняшний день источниковой базы, он может давать только более или менее аргументированные, но всегда уязвимые для критики гипотезы. Для датировки изданий с точностью до одного-двух лет, к чему стремятся исследователи, необходимо обнаружение, определение, установление хотя бы одной дополнительной точки опоры в виде некоего исторического факта в интервале 1553–1565 гг.

9. Характер русско-сербских отношений XVI в. позволяет надеяться на обнаружение в сербских источниках упоминаний о начале книгопечатания в Москве.

10. Концепция истории начального периода русского книгопечатания, предложенная Е. Л. Немировским, представляется недостаточно обоснованной. Особенно уязвимы его оценка роли нестяжателей в зарождении книгопечатания и гипотеза о происхождении и обучении в Краковском университете Ивана Федорова.

11. Мнение большинства исследователей о том, что Петр Тимофеев Мстиславец является выходцем из белорусского города Мстиславля, не имеет под собой оснований.

12. При построении гипотез о причинах отъезда из Москвы Ивана Федорова и Петра Мстиславца необходимо учитывать факт совместных действий мастеров и искать причины, общие для них обоих, а не только рассматривать ситуации, связанные с жизнью Ивана Федорова, как это традиционно принято в нашей литературе.

13. Выявленные нами источники опровергают мнение Е. Л. Немировского о том, что разделение труда между мастерскими московской типографии оформилось только к концу третьего десятилетия XVII в. Есть все основания утверждать, что оно в законченном виде уже существовало в середине второго десятилетия XVII в. При этом, мастер печатного книжного дела выполнял роль бригадира, — человека, несущего ответственность за выход издания в свет.

14. Гипотеза уральских археографов о ходе устройства типографии в Нижнем Новгороде в 1612–1613 гг. и печатании там безвыходного Евангелия, известного в литературе как издание ок. 1619 г., имеет стройную систему доказательств, не опровергнутую оппонентами. Альтернативное предположение А. В. Вознесенского о выпуске этой книги в Москве в 1617 г. между Служебником 1616 г. и Часовником 1618 г. не может быть принято потому, что в указанный исследователем период было недостаточно времени для печатания столь крупного издания. К тому же он не дал убедительного объяснения причин отсутствия в издании выходных данных.

15. Гипотеза И. В. Поздеевой и А. А. Турилова о существовании типографии в Казани построена на некорректной трактовке документа о поездке А. Нежевина в Поволжье. Кроме того, она не дает объяснений, почему же издания типографии, деятельности которой, по мнению авторов гипотезы, придавалось столь важное политическое значение, не имели выходных данных, а, значит, замалчивали роль светских и духовных властей в деле просвещения народов новых территорий?

16. Гипотеза Е. И. Григорьева о том, что после присоединения Казанского ханства к России Казань и Свияжск стали культурным центром государства, центром образования и книгопечатания, является дилетантской фантазией, основанной как на плохом знании исторических фактов, так и на их искажении.

17. Предложенная А. А. Амосовым формула расчета тиража изданий второй половины XVI – начала XVII в., действительно позволяет просчитать тираж, но только при условии одновременного существования определенных постоянных величин: стабильность технологии производства, установленная производительность труда, издание книги на одном стане, изолированность книгопечатания от общественно-политической жизни социума и т. д. Однако это условие в реальной жизни было невыполнимо.

Апробация результатов исследования проводилась в рамках международных и всероссийских научных конференций («Федоровские чтения». Москва 2005, 2007; XII Международная научно-практическая конференция «Наука о книге. Традиции и инновации». Москва 2009; Международная конференция «Книжность этноконфессиональных культур прошлого и настоящего: методология, методика и практика исследования». Томск, 2012; XVI научный семинар с международным участием «Информационное обеспечение науки: новые технологии». Екатеринбург, 2012 и др.). Отдельные положения диссертации нашли отражение в 43 публикациях общим объемом более 108 п. л., в том числе в двух авторских монографиях, в главах коллективных монографий, в 8 публикациях в рецензируемых журналах из списка ВАК общим объемом 6,64 п. л.

Структура работы определена логикой исследования и стремлением оптимально донести его результаты до читателя. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений. Первая глава дает общее представление о процессе изучения раннего русского книгопечатания и одновременно развернутую характеристику историографических источников, вторая и третья – являются, по мысли автора, наиболее важными, поскольку в них детально проанализированы проблемы изучения истории книгопечатания. Разделение материала на два блока определено сложившейся в историографии традицией деления научных интересов исследователей, и, соответственно, хронологических рамок их работ, на этапы до отъезда Ивана Федорова из Москвы и после этого события.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность темы, определяется объект и предмет исследования, его хронологические и территориальные рамки, характеризуется степень изученности, формулируются цель и задачи исследования, методология и методика исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации.

Глава первая «Основные этапы исследования истории начального периода русского книгопечатания в литературе XVII–XXI вв.» состоит из 4 параграфов.

В первом параграфе «Период накопления знаний и становление историографии» отмечено, что первые ретроспективные упоминания о книгопечатании с элементами оценки явления относятся к началу XVII в. Они отражены в анонимных памятниках древнерусской литературы: Пискаревском летописце, так называемом «Нижего-

родском памятнике», послесловии Трефологиона на третью четверть года, изданную Печатным двором в 1638 г., в первом специально посвященном истории книгопечатания сочинении «Сказание известно о воображении книг печатного дела ...» и его краткой редакции под названием «Сказание известно и написание вкратце ...». Вторая половина XVII в. не оставила нам сочинений, фиксирующих историю раннего книгопечатания. К концу первого периода историографии темы наряду с анонимными сочинениями появились и авторские. Это историческая справка о книгопечатании, составленная и включенная в один из отчетов о деятельности Синодальной типографии ее директором Ф. Поликарповым-Орловым в 1727 г., а также фрагмент полемиического сочинения митрополита Ростовского Димитрия «Розыск о раскольничьей брынской вере», изданного в 1745 г. Зафиксированные в большинстве этих памятников сведения по истории книгопечатания, вызвали ряд научных дискуссий, незавершенных и сегодня.

Второй период изучения истории раннего книгопечатания (середина – вторая половина XVIII в.), период становления истории как науки, оставил нам преимущественно труды библиографического характера, которые отражают процесс накопления знаний о печатных книгах и стремление к их осмыслению. Эти работы содержат как общие сведения по истории книгопечатания, так и комментарии к отдельным изданиям. Степень их полноты, фактологической точности, правильность атрибутирования изданий, содержание описательных статей и т. п. вызывают серьезную критику. Однако, памятуя о том, что это первые попытки разобраться в отечественном книжном наследии, не стоит быть слишком требовательными к ним. К сожалению, обнародование данных трудов происходило спустя десятки, а то и сотни лет после написания, поэтому они не оказали должного влияния на современное им состояние книговедения. В параграфе дан анализ трактовки истории отечественного книгопечатания, содержащийся в работах В. К. Третьяковского, А. И. Богданова, И. Бакмайлера, епископа Нижегородского Дамаскина (Д. Семенова-Руднева).

Сделан вывод, что первые попытки осмысления сведений об истории книгопечатания, как и начальные опыты составления репертуара русских изданий создали необходимую платформу для развития исследований на новом этапе становления науки.

Во втором параграфе «Историография первой половины – середины XIX в.» рассмотрен третий период изучения истории раннего русского книгопечатания, который сформировал новый подход к исследованию, базирующийся на особом внимании к источнику. Огромное влияние на этот процесс оказало развитие полевой археографии, потянувшей за собой камеральную и эдиционную. В первой половине XIX в. широкое распространение получил процесс коллекцио-

нирования и, как следствие, каталогизации книжных фондов. Уровень описания книг в этих каталогах был весьма различен. Однако, несмотря на все недостатки описаний книжных памятников, они расширяли источниковую базу исследования истории книгопечатания, заставляли анализировать заключенную в них информацию, рождали дискуссии. Показателем интереса археографической среды к ним является издание рецензий по свежим следам публикации описаний.

В эти годы был обнаружен и введен в научный оборот важнейший комплекс источников по истории раннего книгопечатания: «Сказание известно ...», смета 1612 г. на постройку печатных станов, первые документы из архива Оружейной палаты о выплате жалования работникам типографии в 1616–1617 гг., две грамоты Ивана IV новгородским дьякам 1556 г., в которых названо имя мастера печатных книг Маруши Нефедьева, опубликованы тексты послесловий многих московских изданий, и в частности обнаруженное в рукописи послесловие к Часовнику 1565 г. и т. д. Третий период истории изучения русской печатной книги связан с именами таких специалистов по книжной культуре, как митрополит Евгений (Болховитинов), В. С. Сопиков, К. Ф. Калайдович, П. И. Кеппен, П. М. Строев, Я. И. Бередников, И. М. Снегирев, И. П. Сахаров, П. Казанский, П. А. Бессонов и др. В параграфе рассмотрены взгляды исследователей на историю книгопечатания в процессе их развития, предприняты попытки проследить создание трудов от идеи до ее реализации. Отмечено, что в первой половине XIX в. положено начало изучению новых аспектов в рамках истории книгопечатания, например, возникновение и развитие русской гравюры, проблема исправления книжных текстов, исследование типографской библиотеки как комплексного источника для изучения книгопечатания.

Третий параграф «Историография второй половины XIX – 20-х гг. XX в.» посвящен анализу четвертого периода изучения истории раннего русского книгопечатания. В эти десятилетия в ходе продолжения полевых исследований, благодаря дальнейшему развитию тесно связанного с ним частного коллекционирования, в результате разбора, систематизации и описания архивных фондов была усилена источниковая база исследования. Развитие специальных исторических дисциплин дало инструментарий для более глубокого изучения печатных изданий, в результате чего был накоплен определенный опыт анализа источников и обобщения полученных материалов. Четвертый период можно определить как время окончательного осознания не просто роли источника в исследовании, но и необходимости его критики, как время пересмотра сложившихся представлений, трудного укоренения нового в рамках устоявшихся парадигм.

Особенно заметный вклад в изучение истории книгопечатания в этот период внесли В. В. Стасов, И. П. Каратаев, В. Е. Румянцев, А. Е. Викторов, архим. Леонид (Кавелин), А. А. Гатцук, Д. А. Ровинский, Е. Е. Голубинский, А. А. Гераклитов, А. И. Некрасов и др. Общий анализ их трудов дан по той же схеме, что и в предыдущем параграфе, с учетом динамики развития, взаимосвязи взглядов исследователей, их преемственности или противостояния.

Для этого периода характерно активное развертывание дискуссии о корнях и истоках русского книгопечатания и в тесной связи с этим – развитие исследований по проблемам книжного декора, постановка вопроса о происхождении старопечатного орнамента, обращение к анализу текстов первых изданий, сравнению их с рукописными памятниками. Важнейшим событием четвертого периода, да и в целом в изучении истории раннего русского книгопечатания, стало заявление А. Е. Викторова о существовании книгопечатания до выхода в свет Апостола 1564 г. и обоснование им своей позиции. Это событие раскололо научное сообщество на признававших вывод ученого и на категорически его отвергавших. Абсолютное признание точка зрения А. Е. Викторова и активно поддержавшего его Л. А. Кавелина получила только в советские годы.

Большое значение для будущих исследований истории русского книгопечатания начала XVII в. имели публикация А. Е. Викторовым двухтомного издания описей документов дворцовых приказов и публикация И. Е. Забелиным дополнений к изданным ранее документам дворцовых разрядов. В эти публикации вошли документы архива Оружейной палаты, содержащие сведения о работе типографских ремесленников 1614–1619 гг. Сенсационное значение имело открытие и введение в научный оборот А. С. Зерновой на исходе четвертого периода изучения истории раннего книгопечатания «Нижегородского памятника», не менее значимо было издание А. А. Гераклитовым челобитной А. Радищевского.

В четвертом параграфе «Исследования 30-х гг. XX – начала XXI в.» рассмотрены особенности изучения истории раннего книгопечатания в пятом и шестом периодах развития историографии темы.

Пятый период берет начало с 30-х гг. XX в. и продолжается примерно до середины 70-х гг. Определение в качестве нижней границы периода начала 1930-х гг. объясняется следующими причинами. В 1931 г. после разгрома Украинского научного института книговедения и выпускаемого им журнал «Бібліологічні вісті», как оплота классово-враждебных сил, отечественными книговедами была «проведена работа над ошибками» и выработаны новые подходы к исследованию истории книгопечатания. Программный характер носила статья А. С. Орлова «Книга – орудие социальной борьбы», изданная в 1932 г.

Новый подход к изучению истории книгопечатания нашел отражение уже в первых выпусках «Трудов Института книги, документа и письма», созданного в 1931 г.

Пятый период характеризуется особым подъемом интереса к первым 12–15 годам существования русского книгопечатания, активизацией работы по воссозданию репертуара русских кириллических изданий. Успехи в изучении ранней истории отечественной печатной книги в 1930-е – начало 1970-х гг. связаны с именами таких крупных исследователей, как А. С. Зернова, А. С. Орлов, А. А. Сидоров, М. Н. Тихомиров, Н. П. Киселев, И. В. Новосадский, П. Н. Берков, Г. И. Коляда, Е. Л. Немировский и многих др.

В период пика интереса к исследованию возникновения книгопечатания, с новых позиций рассматривались проблемы обстоятельств возникновения книгопечатания, освоения технологии типографского дела русскими мастерами, датировки анонимных изданий, причин прекращения книгопечатания в России Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем, к общему мнению пришли ученые в определении истоков старопечатного стиля. Расширился круг обсуждавшихся вопросов, к прежним добавились новые: о роли тех или иных социальных групп и конкретных исторических деятелей в организации книгопечатания, о количестве типографий в первые годы книгоиздания; о характере собственности на первые типографии и о типе организации полиграфического производства.

Послефедоровский этап книгопечатания в рассматриваемый период интересовал исследователей в значительно меньшей степени, чем первые годы его существования. Освещение книгоиздательства конца XVI – начала XVII в. давалось преимущественно в составе работ, рассматривающих хронологически более широкие периоды. Лишь единичные статьи были специально посвящены отдельным аспектам истории книгопечатания рубежа XVI–XVII вв. (например, Е. Л. Немировского, Т. Н. Каменево́й).

К середине 1970-х гг. советская концепция возникновения и становления русского книгопечатания сформировалась окончательно. Считалось совершенно доказанным, что оно возникло в результате внутреннего развития государства, без всякой помощи извне. В решении более узких и конкретных вопросов и проблем истории раннего книгопечатания такого единодушия не было.

В это время активность исследования начального этапа книгопечатания стала существенно спадать. Полагаем, что на это в значительной степени повлиял естественный ход событий. К середине 1970-х гг. большая часть ученых, активно работавших в предыдущие годы, либо ушла из жизни, либо достигла весьма солидного возраста. Количество и многообразие написанных ими трудов в совокупности с ог-

раниченностью источниковой базы создавали впечатление достигнутого максимума возможных знаний. Активное систематическое исследование возникновения книгопечатания сменилось растущим вниманием специалистов к книгоизданию после 1620 г. Из когорты ученых, начало творческого пути которых относится ко времени до 70-х гг. XX в., проблемам изучения первых лет русского книгопечатания остался верен только Е. Л. Немировский. Конечно, нет оснований говорить о полном исчезновении интереса ученых к истории раннего книгопечатания, однако эта тематика, в основном, не носит в их творчестве самостоятельного характера, а является побочным продуктом главных тем (Р. Г. Скрынников, А. А. Зимин, А. А. Демин, А. С. Елеонская, И. Е. Баренбаум, Б. Н. Морозов и др.).

Однако шестой период истории раннего русского книгопечатания принес значительное оживление в исследование проблем послефедоровского книгоиздания (книгопечатание в Казани, Нижнем Новгороде, в Москве после Смуты), сопровождающееся в последние полтора-два десятилетия интересными дискуссиями на страницах научных изданий. Эти дискуссии нашли отражение в работах И. В. Поздеевой, А. А. Турилова, А. А. Амосова, И. В. Починской, С. А. Белобородова, А. Г. Мосина, М. Н. Шаромазова, А. В. Вознесенского и др.

Глава вторая «Дискуссионные вопросы в изучении возникновения русского книгопечатания (1553–1565)» включает 4 параграфа.

В первом параграфе «Условия возникновения и проблема освоения техники книгопечатания» рассмотрены два актуальнейших вопроса истории раннего русского книгопечатания. Первый из них в дореволюционной историографии решался, главным образом, с опорой на послесловие Апостола 1564 г. Некоторые исследователи к этому прибавляли дополнительные мотивы, которыми, на их взгляд, руководствовались инициаторы книгопечатания, и формулировали эти мотивы на основе своих представлений об эпохе. Советские ученые перенесли главное внимание с причин на такие категории, как условия и предпосылки возникновения книгопечатания и уже на базе их анализа решали весь комплекс проблем, связанных с ним.

Первым высказал мысль о возникновении книгопечатания в результате формирования в обществе потребности в нем и вызревания условий для реализации данной потребности в 1920-е гг. А. А. Гераклитов. Его позиция была еще слабо аргументирована, но вектор исследований определен. Оформлена эта мысль была в трудах А. С. Орлова, который поставил введение книгопечатания в ряд реформ, проводившихся в середине XVI в. под эгидой Избранной рады, определив его как одно из «обобщающих мероприятий» русской куль-

туры и объяснил время появления книгопечатания материально-технической и культурной готовностью общества. Основная идея А. С. Орлова была поддержана всей советской историографией. Указанное им направление исследований только углублялось, уточнялись характеристики исторических явлений, влиявших на становление книгопечатания, корректировалась терминология. В частности Б. В. Сапунов считал определение А. С. Орловым мероприятий правительства Ивана Грозного как «обобщающих» «не вполне удачным» и предложил свой термин «централизующие».

В параграфе проанализирован также вклад в решение вопроса об условиях и предпосылках возникновения книгопечатания, внесенный И. В. Новосадским, А. А. Сидоровым, М. Н. Тихомировым, Б. П. Орловым, Г. И. Колядой, Е. Л. Немировским.

К числу первых вопросов, которыми задались исследователи истории раннего отечественного книгопечатания, был вопрос о степени самостоятельности освоения навыков типографского мастерства русскими ремесленниками. Уже в XVIII в. прозвучала мысль о независимом от иностранцев характере организации книгопечатания (И. Бакмайстер). Однако в историографии XIX в. возобладали другая точка зрения и результатом этого стало создание разнообразных концепций возникновения книгопечатания: немецкая, «польская», сербо-греко-венецианская. Советская историография попыталась поставить точку в этой дискуссии и теория независимого русского происхождения книгопечатания в интерпретации А. А. Сидорова стала господствующей.

В параграфе проанализированы точки зрения на проблему освоения техники книгопечатания русскими мастерами, высказанные В. С. Сопиковым, Е. Болховитиновым, К. Ф. Калайдовичем, П. М. Строевым, В. В. Стасовым, А. А. Гатцуком, Л. А. Кавелиным, В. Е. Румянцевым, Е. Е. Голубинским, А. А. Гераклитовым, А. И. Некрасовым, М. Н. Тихомировым, Г. И. Колядой, Р. Г. Скрынниковым, Е. Л. Немировским и многими другими исследователями. Мнения ученых систематизированы по степени их близости, дана оценка аргументов в защиту своей позиции каждого из них.

Во втором параграфе «Установление даты начала книгопечатания и атрибутирование первых изданий» детально рассмотрены дискуссии по указанным вопросам.

Дискуссия по первому вопросу, установление даты начала книгопечатания, была порождена информацией, сообщенной в послесловии к Апостолу 1564 г., в тексте которого расстановка знаков препинания давала возможность различной трактовки сообщенных в нем дат. Все многообразие мнений, возникших на основании трактовки этого текста, попытался систематизировать Б. П. Орлов в монографии

«Полиграфическая промышленность Москвы. Очерк развития до 1917 года» (М., 1953), предложив при этом и свое решение вопроса.

В связи с тем, что сделанные Б. П. Орловым выводы по поводу взглядов ряда исследователей на дату начала книгопечатания оказались нам во многом неточными, мы внесли в эти выводы ученого коррективы на основании повторного анализа публикаций.

Текст послесловия Апостола давал повод думать, что замысел организации типографии и начало ее деятельности разделяет десятилетний подготовительный период. Однако смутные подозрения некоторых исследователей о том, что в это время могло быть что-то напечатано, на рубеже 1860–1870-х гг. были четко сформулированы А. Е. Викторовым в форме вопроса: «Не было ли в Москве опытов книгопечатания прежде первопечатного Апостола 1564 г.?». Положительный ответ, данный на него ученым, долго и непросто пробивал себе место в ряду признанных научных гипотез. Безоговорочное принятие этой точки зрения советской историографией активизировало следующую дискуссию: о датировке безвыходных изданий второй половины XVI в.

А. А. Гераклитовым впервые был сформулирован принцип комплексного подхода к атрибутированию безвыходных изданий, которым в дальнейшем пользовалось большинство исследователей.

Анализ точек зрения на определение порядка выхода в свет анонимных изданий и на их датировку, предложенных А. Е. Викторовым, Л. А. Кавелиным, А. А. Гераклитовым, А. И. Некрасовым, М. Н. Тихомировым, Т. Н. Протасьевой, А. С. Зерновой, А. А. Сидоровым, Г. И. Колядой, Е. Л. Немировским, показал ярко выраженный субъективный характер подходов, нередко отмеченный отклонением от выбранных критериев, на основании которых выстраивалась прогрессия изданий. Вопрос определения последовательности выхода в свет анонимных изданий и их датировки относится к числу наиболее трудно решаемых. С учетом имеющейся на сегодняшний день источниковой базы, он может давать только более или менее аргументированные, но всегда уязвимые для критики гипотезы. Для датировки изданий с точностью до одного-двух лет, к чему стремятся исследователи, необходимо обнаружение, определение, установление хотя бы одной дополнительной точки опоры в виде некоего исторического факта в интервале 1553–1565 гг.

Исчерпанность потенциала традиционных подходов и методик изучения безвыходных изданий XVI в. была осознана некоторыми исследователями еще в конце XX в. Отражением этих настроений стало предложение О. Н. Кичиной провести изучение экземпляров безвыходных изданий с использованием новой методики. Однако четкого определения, о какой методике идет речь, не было дано. Практически

продемонстрированный исследовательницей опыт более точной датировки бумаги анонимных изданий привел к расширению хронологических рамок вероятного их выхода в свет.

Проблема определения очередности печатания анонимных изданий не утратила своей актуальности до наших дней.

Третий параграф «Проблема количества первых типографий, права собственности на них и причины прекращения их работы» посвящен рассмотрению комплекса взаимосвязанных вопросов, относящихся к числу актуальнейших в исследовании русского книгопечатания. В ответах на эти вопросы кроются важнейшие характеристики своеобразия становления печатного книжного дела в России.

До установления факта существования дофедоровских изданий в историографии бытовало однозначное мнение, что по инициативе светских и духовных властей была создана первая типография, призванная решать государственные задачи. Анонимные издания поставили в повестку дня вопрос о причинах отсутствия в них выходных данных. Значительная часть исследователей объясняла этот факт экспериментальным характером изданий. Однако такое объяснение удовлетворяло далеко не всех. Поиски других ответов на закономерный вопрос вызвали сомнения по поводу однозначности выводов о характере собственности на типографию (типографии), их выпустившей (-их), к размышлениям о ее (их) связи с типографией, в которой работали Иван Федоров и Петр Мстиславец. Наконец, сравнительный анализ безвыходных изданий и федоровских, размышления об исторических условиях возникновения и первых лет существования книгопечатания привели ученых и к рассуждениям о характере собственности на типографию Ивана Федорова.

Продолжением доминировавшего в дореволюционной историографии мнения о начале московского книгопечатания, как исключительно государственном предприятии, явились взгляды ряда советских исследователей, которые в отличие от предшественников, не считавших нужным даже аргументировать свою позицию, объясняли выбранную ими точку зрения малым благоприятствованием общественного строя России XVI в. развитию частной инициативы (А. А. Герасимов, А. С. Орлов, П. Н. Берков, А. С. Зернова, Т. Н. Протасьева и др.).

Одновременно рассматривался вопрос: анонимные и федоровские издания были выпущены одной типографией или двумя независимыми друг от друга? В решении этого вопроса разнообразие мнений было велико, даже те исследователи, которые считали, что книгопечатание возникло как абсолютно государственное мероприятие делились на группы: одни полагали, что существовала одна типография

с двумя, какое-то время параллельно работавшими отделениями внутри (А. С. Орлов, А. С. Зернова), другие думали, что выпуск анонимных и федоровских изданий – это этапы развития деятельности одной типографии (Б. П. Орлов, Т. Н. Протасьева), третьи – что было два совершенно автономных полиграфических предприятия (А. А. Гераклитов, Б. П. Сапунов). Имели место и значительно более оригинальные мнения (Г. И. Коляда).

Еще в XIX в. появилась мысль, что первая типография была частным предприятием (архим. Леонид). В группе сторонников этой точки зрения также существовали различные варианты представлений об организации книгопечатания. Свое видение ситуации предлагали Е. Е. Голубинский, А. И. Некрасов, М. Н. Тихомиров, А. А. Сидоров, Е. Л. Немировский.

Вопрос о причинах прекращения Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем книгопечатания и их отъезда за пределы Московского государства также имеет довольно широкий диапазон решений. Видимость ответа на вопрос дает послесловие к львовскому Апостолу 1574 г., написанное Иваном Федоровым. Однако неопределенность этого ответа и породила множество гипотез по поводу истинных причин отъезда мастеров. Кто же эти невежественные и завистливые начальники, священноначальники и учителя, которые, по словам мастера, создали невыносимую атмосферу для их с соратником пребывания в Москве? Предположений было много. От целых социальных групп, таких как переписчики книг, якобы увидевшие в печатниках своих конкурентов (мтп. Евгений, Н. М. Карамзин), или противники просвещения иосифляне (Е. Л. Немировский) до совершенно конкретных исторических деятелей, например, мтп. Филипп и боярин И. П. Челядин (Б. В. Сапунов).

При этом все рассуждения о причинах отъезда печатников, строятся на попытках найти объяснение ему во взаимоотношениях с властями, во взглядах и настроениях, в обстоятельствах жизни только Ивана Федорова. При таком подходе к решению проблемы получается, что Петр Мстиславец уехал просто за компанию с другом. На наш взгляд, в решении этого вопроса необходимо учитывать факт совместных действий мастеров и искать причины, общие для них обоих, а не только рассматривать ситуации, связанные с жизнью Ивана Федорова. Тем более, что факт белорусского происхождения Петра Мстиславца весьма спорен.

Широкий диапазон мнений по вопросам, рассмотренным в параграфе, и спорный характер их аргументации, подробно проанализированный нами, свидетельствуют о сложности проблем и необходимости поисков новых подходов к их решению.

В четвертом параграфе «Вопросы реконструкции биографий мастеров печатного книжного дела» отмечено, что о тех людях, которые печатали первые издания, известно крайне мало. Время сохранило нам лишь некоторые имена, без каких бы то ни было подробностей об их жизни и деятельности. Недостаток документально подтвержденной информации породил немало предположений, гипотез и, как следствие, споров по поводу биографий мастеров печатного дела. В силу масштабности фигур и следа, оставленного в истории восточнославянских народов, особенно велика историография, касающаяся жизни и деятельности Ивана Федорова и Петра Мстиславца.

В связи с широким распространением и спорностью в центре внимания оказалась гипотеза Е. Л. Немировского об идентичности студента Краковского университета Ioannes Theodoro (-y, -es) Moscus, обучавшегося там в конце 1520 – начале 1530-х гг., и русского печатника Ивана Федорова Москвитина. В параграфе подробно проанализирована аргументация автора гипотезы, точки зрения его сторонников (И. З. Мышко, В. П. Колосова) и противников (Я. Д. Исаевич, И. Е. Баренбаум), дана оценка этих мнений, приведены дополнительные аргументы, опровергающие гипотезу Е. Л. Немировского. Важным дополнением к имеющимся в литературе возражениям, на наш взгляд, относится следующее. Е. Л. Немировский, защищая свое мнение, высказал мысль, что фраза в послесловии львовского Апостола 1574 г., написанном Иваном Федоровым, о том, что они с Петром Тимофеевым вынуждены были уехать «в страны незнаемы», представляет собой просто «литературную реминисценцию», поскольку в ней речь идет об изгнании обоих печатников. А между тем, Петр, без сомнения, белорус. Это мнение укрепилось в отечественной историографии еще с XIX в., и опирается оно только на прозвище, якобы указывающее на происхождение печатника из белорусского города Мстиславля. То упорство, с которым наша историография держится за такую трактовку прозвища печатника, заставила нас поискать населенные пункты в пределах Московского государства, которые могли бы быть малой родиной Петра. И они были найдены. Это город Мстиславец под Дорогобужем и Мстиславль залесский. Если принять за место происхождения Петра Тимофеева один из этих городов, а для этого оснований не меньше, чем для признания таковым Мстиславля на Вихре, то по отношению к Петру слова Ивана Федорова «страны незнаемы» не являются «литературной реминисценцией». Соответственно есть дополнительный повод усомниться и в том, что они являются этой самой реминисценцией и по отношению к Ивану Федорову.

Кроме этого в параграфе был проанализирован ряд известных фактов из биографии Ивана Федорова, его образ жизни последних лет, которые, на наш взгляд, вызывают большие сомнения в том, что такое

времяпрепровождение может быть свойственно людям в возрасте за 70 лет.

Рассмотрение попыток исследователей дополнить общие представления о начальном этапе отечественного книгопечатания сведениями о людях, непосредственно участвовавших в его освоении и укоренении в жизни русского общества, нельзя признать успешными. Если мы оставим в стороне спорные гипотезы до их более основательного подтверждения или окончательного опровержения, то в итоге у нас останутся только имена печатников и самые общие представления об их сферах деятельности.

Глава третья «Основные проблемы в изучении послефедоровского периода русского книгопечатания (1568–1619)» содержит 6 параграфов.

В первом параграфе «Вопросы изучения книгоиздательской деятельности Андроника Невежи и Ивана Невежина» отмечено, что послефедоровский период московского книгопечатания плохо документирован. Отсутствие источниковой базы для реконструкции системы организации книгопроизводства заставило исследователей сосредоточить свое внимание на персонах мастеров-печатников, упомянутых в выходных данных книг, на анализе изданий.

После отъезда Ивана Федорова и Петра Мстиславца из Москвы работу по книгоизданию продолжили Никифор Тарасиев и Невежа Тимофеев, выпустив Псалтырь в 1568 г. Эти имена упомянуты только в одной книге, и документов, фиксирующих какую бы то ни было информацию о них, не обнаружено. Особый интерес исследователей привлекло имя второго мастера, которого большинство исследователей стало отождествлять с печатником Андроником Тимофеевым Невежей, упомянутым в Псалтыри 1577 г. и являвшимся в Москве единственным мастером печатного дела до начала XVII в. Однако это мнение не было бесспорным. Высказывались гипотезы о том, что Невежа Тимофеев – отец Андроника Невежи (И. П. Сахаров), что они были братьями (Е. Л. Немировский). Сомнение в том, что это одно и то же лицо выразил Ю. А. Лабынцев, не пытаясь определить степень их родства. Предполагалось даже, что Андроник был братом Петра Мстиславца (И. М. Снегирев).

«Сказание известно ...» называет Андроника Невежу учеником Ивана Федорова. Опираясь на это заявление автора сочинения, ряд исследователей придерживался такой точки зрения, находя тому подтверждения в сходстве шрифтов невежинских и федоровских изданий, а также в аналогиях декора книг печатников (Ф. И. Булгаков, И. Н. Божерянов, А. А. Покровский, А. С. Зернова, Е. Л. Немировский и др.). Эту точку зрения не разделял архим. Леонид (Кавелин), предполагавший наличие в Москве в период становления книгопечатания

нескольких групп печатников, которые находились в состоянии соперничества.

Интересные предположения о биографии Андроника Невежи были высказаны А. А. Сидоровым: о начале его деятельности в анонимной типографии и возможной причастности к работе книгописной мастерской, занимавшейся иллюстрированием Никоновского летописного свода. Полагаем, эти гипотезы требуют дальнейшего развития и поисков доказательств или опровержения.

В ходе рассмотрения исследований о книгопечатании периода деятельности Андроника Невежи затронуты проблемы перерывов в работе типографий, определения местонахождения «тезоименитого нового града слободы», в которой была напечатана Псалтырь 1577 г. В связи с последним вопросом дан критический анализ гипотезы Е. И. Григорьева, идентифицировавшего ее со Свяжском.

Наиболее подробно историография деятельности Андроника Невежи рассматривает вопросы художественного оформления его изданий, отводя особое место вкладу в развитие русской книжной гравюры. Однако в решении и этого вопроса установлено наличие противоречий, отраженное в позициях В. В. Стасова, А. И. Некрасова, А. А. Сидорова.

Сыну и продолжателю дела Андроника Ивану историография уделила крайне мало внимания, он оказался в тени своего отца, несмотря на то, что выпустил в свет семь изданий, больше всех современных ему московских печатников. Лишь краткие упоминания или словарные статьи о нем с общими рассуждениями о времени имеются на сегодняшний день.

Второй параграф «Трактовки расширения печатного книгопроизводства в начале XVII в., оценка деятельности Анисима Михайловича Радишевского» посвящен, главным образом, анализу литературы о мастере А. Радишевском. Однако в связи с тем, что круг печатников в первом десятилетии XVII в. расширился, и одновременно работали три мастера: Иван Невежин, Анисим Радишевский и Никита Фофанов, имевшие свои мастерские, то в историографии возник вопрос: в каких взаимоотношениях они находились в организационном плане? Поэтому прежде, чем перейти к анализу литературы о деятельности Радишевского, мы рассмотрели мнения исследователей по поводу организации книгопроизводства в начале XVII в., причем затронули не только вопрос взаимоотношения мастерских, но и проблему организации самого процесса книгопечатания: времени возникновения разделения труда, роли мастера. Были проанализированы точки зрения А. А. Сидорова, А. С. Зерновой, Б. П. Орлова, Е. Л. Немировского, Ж. Н. Ивановой, А. В. Дадыкина. Полемизируя с некоторыми исследователями, мы высказали мысль, базирующуюся на анализе

источников, что организация московского книгопечатания на основах мануфактурного производства с полным разделением труда сложилась, как минимум, в начале XVII в., а ее истоки следует искать уже в первые годы существования московского книгопечатания.

Деятельности Анисима Радишевского посвящена монография Е. Л. Немировского «Анисим Михайлов Радишевский (около 1560 – около 1631 г.)» (М., 1997), содержащая историографический очерк, но он неполон, поэтому мы кратко повторили основные этапы изучения жизни мастера, отмеченные исследователем, дополнив эту информацию характеристикой тех работ, которым не уделено внимания, и подробно остановились на самой монографии. Наши возражения встретили выводы Е. Л. Немировского об определении примерной даты рождения мастера, о его обучении, как первоначальном в Острожском училище, так и профессиональном у Ивана Федорова и его сына, о причинах приезда Радишевского в Россию.

Оценка вклада Радишевского в развитие отечественного книгопечатания, естественно, базируется на анализе его изданий. Пристальное внимание исследователей они вызвали только в XX в. Этому вопросу уделили внимание А. И. Некрасов, А. А. Сидоров, А. С. Зернова, Е. Л. Немировский. При почти единодушной, чрезвычайно высокой, оценке декора изданий Радишевского расхождение обнаружено в определении роли самого мастера в оформлении книг.

В параграфе затронуто рассмотрение историографией вопроса о причинах уничтожения патриархом Филаретом Устава церковного 1610 г., изданного Радишевским.

Итогом анализа литературы о печатнике А. Радишевском стал вывод, что, несмотря на сравнительно неплохую документированность жизненного пути мастера, содержащиеся в источниках сведения не дают информации о его работе в сфере книгопечатания. Поэтому аспекты истории печатного книжного дела, связанные с именем Анисима Михайловича, как и многие другие, восстанавливаются на косвенных данных, позволяющих предлагать достаточно вольные трактовки событий.

Третий параграф «Проблемы изучения книгопечатания в период разорения Москвы во время Смуты» посвящен обзору литературы о мастере печатного книжного дела Никите Федоровиче Фофанове. Этому мастеру атрибутировано всего три издания. Но с его именем связана одна из интереснейших страниц русского книгопечатания – деятельность нижегородской типографии 1613 г.

В параграфе рассмотрен процесс введения в научный оборот источников, связанных с книгопечатанием 1612–1613 гг. и их интерпретация в литературе. Отмечена роль в исследовании этого аспекта темы П. М. Строева, В. Е. Румянцева, И. Г. Каратаева, В. М. Ундольского,

А. А. Гераклитова, А. С. Зерновой, Л. И. Владимирова и др. Особое внимание уделено гипотезе о деятельности нижегородской типографии, предложенной группой уральских археографов, в которую вошла и автор диссертации. Этой творческой группой была высказана мысль о том, что в типографии, организованной в Нижнем Новгороде правительством Второго народного ополчения, было издано безвыходное Евангелие, датированное А. С. Зерновой ок. 1619 г. Проведя детальный анализ целого комплекса источников, уральские ученые помимо нового атрибутирования Евангелия (Нижний Новгород, 1613 г.) пришли к ряду интересных выводов, в том числе о том, что смета 1612 г. была составлена для устройства нижегородской типографии, «Нижегородский памятник» – это не послесловие к неизвестному, или не отпечатанному изданию, как вслед за А. С. Зерновой считает большинство исследователей. Он является самостоятельным произведением, своеобразным печатным вариантом челобитья Н. Фофанова, его «явкой с повинной» к новому государю.

Только спустя десять лет гипотеза уральцев встретила возражения со стороны М. Н. Шаромазова. В параграфе детально рассмотрены аргументы автора этих возражений, которые показались нам противоречивыми и недостаточно убедительными.

В параграфе отмечено, что анализу полиграфических особенностей изданий Фофанова уделялось немного внимания. Всего по несколько строк этому вопросу отвели А. А. Сидоров и А. С. Зернова.

Таким образом, книгопечатание самого трагического периода Смуты связано с именем Н. Фофанова, что и определило особое внимание исследователей к мастеру и попытки выяснить масштабы его деятельности в рамках нижегородской типографии.

В четвертом параграфе «Дискуссионные вопросы в исследовании книгопечатания 1614–1619 гг.» отмечено, что период деятельности московской типографии с момента ее восстановления в 1614 г. и до создания Приказа печатного книжного дела в конце 1619 – начале 1620 г. изучен крайне слабо. Считается, что документы этого периода, как и предыдущего, не сохранились. Об их существовании позволяет судить только опись дел типографии, составленная в 1649 г., в которой указаны две книги, фиксирующие приход и расход за 123–129 (1614/15 – 1620/21) гг. Однако упоминание других источников, содержащих информацию о книгопечатании 1614–1619 гг., в литературе время от времени появлялось. При этом исследователи истории книги, даже ссылаясь на них, продолжали повторять мысль о пропаже документов Печатного двора до 1620 г. Причины этого заключались в том, что информация, касающаяся книгоиздания тех лет, отложилась не в типографском комплексе дел, а в архиве Оружейной

палаты. Документы из этого архива публиковались П. И. Строевым, А. Е. Викторовым, И. Е. Забелиным.

Впервые попытка анализа всех упоминаний в материалах архива Оружейной палаты о людях, причастных к книгопроизводству, была сделана только в 1998 г. автором данной работы. В результате была составлена роспись получения жалования мастерами и мастеровыми людьми печатного книжного дела в 1614–1619 гг.

В параграфе рассмотрена литература, касающаяся вопросов восстановления типографии в 1614 г., возврата оборудования из Нижнего Новгорода, анализа отдельных изданий этого периода (Часовник 1615 г., Служебник 1616 г., Псалтыри 1619 г., безвыходное Евангелие, датированное Зерновой 1619 г.).

Возвращение к вопросу об атрибутировании безвыходного Евангелия начала XVII в. связано с анализом точки зрения А. В. Вознесенского, датировавшего издание 1617 г. Ученый считает, что оно было напечатано между Служебником 1616 г. и Часовником 1618 г. На наш взгляд, в указанный А. В. Вознесенским период было недостаточно времени для печатания столь крупного издания. Мы попытались аргументировать свое мнение, опираясь на анализ работы типографии во втором и третьем десятилетиях XVII в. К тому же, А. В. Вознесенский не дал убедительного объяснения причин отсутствия в издании выходных данных.

Для рассматриваемого этапа книгопечатания, как и для других, большое значение имеют исследования персоналий участников этого процесса. Важность данного направления исследований определяется тем, что оно не только решает проблемы реконструкции биографий, но и вопросы формирования, развития особенностей русской книжной традиции, ее ретрансляции. В связи с этим в параграфе дан анализ литературы, затрагивающей данную проблему. Это работы А. А. Сидорова, А. С. Зерновой, Е. Н. Матвеевой, И. В. Починской. Авторами, главным образом, делаются попытки определить степень участия отдельных мастеров в производстве того или иного издания.

Пятый параграф «Гипотезы о существовании книгопечатания в казанских землях». Одной из важнейших проблем русского книгопечатания послефедоровского периода является вопрос о возможности создания центральной властью провинциальной типографии, работавшей параллельно с московской. Этот вопрос был давно поставлен историографией, но системное обоснование получил только в конце XX – начале XXI в. Претендентом на место существования такой типографии стала Казань.

Еще в XIX в. были опубликованы два документа, якобы свидетельствующие об учреждении в Казани второй половины XVI в. типографии: запись в расходной книге Московского печатного двора от 7

марта 1620 г. о поездке Алексея Невежина в сторону Казани за печатным станом и запись в описи Сольвычегодского Благовещенского собора от 1579 г., где названа печатная книга «празднество Пречистые Богородицы; явление иконы в Казани». До начала 70-х гг. XX в. эти упоминания, рассматривавшиеся в историографии порознь, давали ученым возможность лишь рассуждать о вероятности возникновения в XVI в. книгоиздания в Казани. В 1972 г. Е. Л. Немировский первым сопоставил информацию двух источников и пришел к выводу о существовании типографии в Казани. В 1980-е гг. А. А. Туриловым и И. В. Поздеевой были обнаружены два анонимных издания Службы явлению Казанской иконы Богоматери, которые они отождествили с продукцией казанской типографии и дали развернутое обоснование мнению о ее существовании.

Точкой опоры в рассуждениях И. В. Поздеевой и А. А. Турилова является информация из документов Печатного двора. Что касается описи Благовещенского собора, то ее, по заявлению авторов гипотезы, без поддержки первой записи можно было бы считать опиской. Между тем в статье уральских археографов «Новое об изданиях нижегородской типографии в 1613 г.» было доказано, что А. Невежин ездил не в Казань, а в Нижний Новгород. Кроме того, московские исследователи не дают объяснений, почему же издания типографии, деятельности которой, по мнению авторов гипотезы, придавалось столь важное политическое значение, не напечатали выходных сведений, таким образом, умолчав о роли светских и духовных властей?

С гипотезами, выдвигаемыми специалистами своего дела, можно не соглашаться, спорить, но нельзя отрицать серьезной, профессиональной аналитики источникового материала, исторического фона, на котором происходило рассматриваемое явление. Однако в последние десятилетия стал модным пересмотр исторических концепций представителями других наук, преимущественно точных. Особенностью новых теорий и концепций является убежденность авторов в том, что предлагаемое ими видение проблемы является не гипотетическим, а вполне доказанным в их трудах. К числу таких концепций принадлежит история русского книгопечатания XVI в., предложенная на рубеже XX–XXI вв. кандидатом химико-технологических наук Е. И. Григорьевым. Мы вынуждены были обратиться к анализу работ этого автора потому, что они были опубликованы в «Вестнике Российской академии наук» и имеют широкое хождение в Internet, вводя в заблуждение непрофессионалов.

По утверждению Е. И. Григорьева, после присоединения Казанского ханства к России Казань и Свияжск стали культурным центром государства, центром образования и книгопечатания. Анализ его аргументов привел нас к выводу, что предложенная версия развития со-

бьгий, основано как на плохом знании исторических фактов, так и на их искажении.

Результаты рассмотрения гипотез о книгопечатании в Казани во второй половине XVI в. убедили нас в том, что на сегодняшний день нет оснований утверждать его существование.

Шестой параграф «Проблема расчета тиражей московских изданий конца XVI – начала XVII в.».

В начале 80-х гг. XX в. А. А. Амосов предложил формулу расчета тиража русских изданий XVI – начала XVII в. Однако полагаем, что этот опыт выведения универсальной формулы расчета тиража в настоящее время можно рассматривать только как факт историографии. Накопившиеся в последние десятилетия знания об отечественном книгопечатании позволяют говорить о формуле, предложенной А. А. Амосовым, как о неэффективной. Чтобы разобраться в причинах этого, мы подробно рассмотрели рассуждения автора.

А. А. Амосов предложил схему расчета тиража издания: $T = N \times t / 2V_p$, где T – тираж книги, N – средняя дневная производительность стана в листопргонах, t – время реальной работы по печатанию книги в днях, V_p – объем издания в печатных листах. Эта формула работает в условиях, заявленных автором в качестве аксиомы: стабильность технологии производства, установленная производительность труда, издание книги на одном стане. Проведя свои расчеты затрат времени на тиражирование книг с привлечением сравнительных данных об изданиях 1620-х гг. мы пришли к выводу, что предложенная А. А. Амосовым формула расчета тиража изданий второй половины XVI – начала XVII в., действительно позволяет просчитать тираж, но только при условии одновременного существования определенных постоянных величин, оговоренных ученым, которого не было в реальной жизни. К тому же А. А. Амосов не учитывал влияние событий общественно-политической жизни на книгопечатание.

В Заключении диссертации подведены общие итоги исследования, сделаны выводы, намечены основные направления и перспективы дальнейшего изучения темы.

В соответствии с целью исследования на основании анализа историографических и исторических источников, литературы в диссертации была воссоздана целостная, общая картина развития знаний по истории русского кириллического книгопечатания второй половины XVI – начала XVII в. (до 1619 г.).

Установлено, что изучение возникновения и становления отечественного книгопечатания прошло 400-летний путь развития от простой констатации факта существования книгопечатания и перечисления, далеко не всегда точного, отдельных изданий до анализа его как важного явления, имеющего отношение не только к культурной, но и

к социально-экономической жизни общества. Этот путь включает шесть этапов развития: начало XVII – первая треть XVIII в., середина – вторая половина XVIII в., первая половина – середина XIX в., вторая половина XIX – первая треть XX в., начало 30 – середина 70-х гг. XX в., вторая половина 1970 – начало 2000-х гг.

К числу наиболее важных проблем, волновавших исследователей на протяжении всего времени изучения истории раннего книгопечатания принадлежали следующие: предпосылки и условия возникновения книгопечатания; освоение навыков полиграфического производства отечественными мастерами; определение даты начала московского книгопечатания и атрибутирование анонимных изданий; роль различных социальных групп и конкретных исторических деятелей в организации книгопечатания, количество типографий в первые годы книгоиздания; характер собственности на первые типографии; причины прекращения книгопечатания в России Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем; организационная структура московского книгоиздания в конце XVI в.; книгопечатание периода Смуты и восстановление печатного дела после ее завершения; существование книгопечатания за пределами Москвы; реконструкция биографий и судеб людей, непосредственно занимавшихся внедрением новых технологий в жизнь общества; исследование отдельных изданий.

Анализ актуальных проблем истории раннего русского книгопечатания на протяжении всего времени их существования, от зарождения до наших дней, рассмотрение через призму пристального внимания концепций, гипотез, дискуссионных вопросов, мнений, предлагавшихся учеными в ходе исследования этих проблем, привел к заключению, что практически все они не имеют однозначных решений. Большая часть этих решений содержит в себе существенный элемент субъективизма, проявляющийся как в неясных, не поддающихся аргументации ощущениях авторов, так и в индивидуальном выборе критериев оценки событий и явлений, в трактовке информации источников. Причина сложившейся ситуации кроется в узости источниковой базы исследований, вынуждающей ученых в ходе работы широко использовать косвенные данные и прибегать к логическим рассуждениям, которые и создают благоприятную почву для малообоснованных допущений.

Однако очень важно отметить, что среди рассмотренных концепций, гипотез, мнений по проблемам раннего этапа русского книгопечатания есть и незаслуженно забытые или отодвинутые на второй план. Возвращение к такого рода изысканиям и продолжение их в современных условиях составляет важный ресурс изучения темы.

Необходимо отметить, что реконструкция истории раннего русского книгопечатания наполнена множеством гипотез, которые за де-

сятелетия, а то и столетия их существования превратились в «факты» (например, место рождения Петра Мстиславца, вопрос учебы Ивана Федорова в Кракове и др.). На них заострено внимание путем критического анализа аргументов авторов этих гипотетических построений в надежде таким образом привлечь к ним внимание исследователей и стимулировать поиск новых решений проблем, вызвавших к жизни псевдофакты.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

**Статьи, опубликованные в ведущих научных рецензируемых
журналах (в соответствии с перечнем ВАК):**

1. Казанские земли – колыбель русского книгопечатания?! // Вестник Уральского отделения РАН. 2010. № 4 (34). С. 119–125 (0,7 п. л.).

2. Новый этап в изучении официального кириллического книгопечатания // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2010. № 4 (24). С. 41–44 (0,4 п. л.).

3. Московская типография в первой половине XVIII в.: адаптивные процессы в официальном кириллическом книгопечатании // Известия Уральского госуниверситета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2011. № 1 (87). С. 204–213 (0,7 п. л.).

4. Книгопечатание старообрядцев белокриницкой иерархии во второй половине XIX – начале XX веков // Вестник Уральского отделения РАН. 2011. № 3 (37). С. 143–153 (0,9 п. л.).

5. Книгоиздательская деятельность Андроника Невежи и Ивана Невежина: историографический аспект // Известия Уральского госуниверситета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2012. № 1 (99). С. 108–122 (1,2 п. л.).

6. Послефедоровский период русского книгопечатания: проблемы, концепции, гипотезы. Мастер книжного печатного дела Анисим Михайлович Радишевский // Сибирский филологический журнал. 2012. № 3. С. 24–29 (1,14 п. л.).

7. К вопросу о биографиях первых русских печатников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2012. № 4. С. 107–120 (1 п. л.).

8. Формула расчета тиража ранних русских изданий: условия применения // Известия Уральского госуниверситета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2012. № 4 (108). С. 30–38 (0,6 п. л.).

Монографии:

1. Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья. Т. 1. (в 2-х частях). Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991. Ч. 1. 300 с.; Ч. 2. 128 с. (в соавт. с В. И. Байдиным, Н. А. Мудровой, А. Т. Шашковым и др.) (25 п. л. / 6 п. л.).
2. Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья. Т. 2. (в 2-х частях). Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. Ч. 1. 295 с.; Ч. 2. 126 с. (в соавт. с В. И. Байдиным, Н. А. Мудровой, А. Т. Шашковым и др.) (25 п. л. / 5 п. л.).
3. Старообрядческое книгопечатание XVIII – первой четверти XIX вв. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1994. 183 с.: ил. 72 л. (17,8 п. л.).
4. Очерки истории культуры и быта старого Невьянска (к 400-летию города). Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. 244 с. (в соавт. с В. И. Байдиным, С. А. Белобородовым, М. Г. Казанцевой и др.) (25 п. л. / 1 п. л.)
5. Книгопечатание Московского государства второй половины XVI – начала XVII веков в отечественной историографии: Концепции, проблемы, гипотезы. Екатеринбург: МПНП «Волот», 2012. 400 с. (19 п. л.).

Каталоги:

1. Каталог старопечатных и рукописных книг Древлехранилища Лаборатории археографических исследований УрГУ. Ч. 3. Описание старопечатных книг I–XIV собраний Древлехранилища. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. 175 с. (в соавт. с Н. А. Борисенко, Н. В. Гольцовой, Н. А. Мудровой) (10,7 п. л. / 7 п. л.).
2. Каталог старопечатных и рукописных книг Древлехранилища Лаборатории археографических исследований УрГУ. Ч. 5. Описание старопечатных книг XV–XXV собраний Древлехранилища. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. 112 с. (в соавт. с Н. А. Борисенко, Н. В. Гольцовой, Н. А. Мудровой) (7 п. л. / 4 п. л.).
3. Каталог книг поступивших в фонды ЛАИ УрГУ в 1994–1999 гг., а также указатель памятников к рукописям, описанным в ч. 1, 2, 4, 6. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 136 с. (в соавт. с Н. В. Ануфриевой и С. А. Белобородовым) (8,62 п. л. / 4 п. л.).
4. Выставка старопечатных и рукописных книг, посвященная дням славянской письменности. Каталог. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 12 с. (в соавт. с С. А. Белобородовым и П. И. Мангилевым) (0,5 п. л. / 0,2 п. л.).
5. Каталог редкой и старопечатной книги научной библиотеки Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса

им. И. С. Шемановского. Салехард, 2003. 182 с. (в соавт. с С. А. Белобородовым) (21 п. л. / 10 п. л.).

6. Книжные сокровища Югры. Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска. Екатеринбург: МПНП «Волот», 2003. 496 с. (в соавт. с С. А. Белобородовым, Н. А. Мудровой, А. Т. Шашковым и др.) (31 п. л. / 2 п. л.).

Статьи в сборниках научных трудов и материалах конференций:

1. Библиотека К. В. Колычева (По материалам описи 1822 г. // Книжные собрания российской провинции: проблемы реконструкции. Екатеринбург: Баско, 1994. С. 182–195 (1,0 п. л.).

2. Духовная цензура XVII–XVIII вв. // Цензура в России. Книжная выставка: Каталог. Ноябрь 1995. Екатеринбург, 1995. Разд. 1. С. 1–9 (в соавт. с В. И. Байдиным и С. А. Белобородовым) (0,5 п. л. / 0,2 п. л.).

3. Новое об изданиях Нижегородской типографии в 1613 г. // Ежегодник НИИ РК УрГУ. 1994. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. С. 4–22 (в соавт. с С. А. Белобородовым, А. Г. Мосиным, Н. А. Борисенко) (1,5 п. л. / 0,8 п. л.).

4. Книгопечатание старообрядцев-федосеевцев во второй половине XIX – начале XX вв. (1906 г.) // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1997. С. 146–153 (0,7 п. л.).

5. «Царского величества друкарня» 1614–1619 гг. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. Вып. 2. С. 219–237 (0,9 п. л.).

6. К вопросу о юридическом статусе «нового заводу книжного печатного дела» Василия Бурцова // V Уральские археографические чтения. Тез. докл. конф., Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. С. 56–60 (0,3 п. л.).

7. Археография полевая // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 28, 56 (в соавт. с И. А. Ларионовой) (0,2 п. л. / 0,1 п. л.).

8. Уральский археографический центр и его коллекция старопечатных и рукописных книг кириллической традиции // Solanus. Vol. 13. 1999. С. 60–79 (1,0 п. л.).

9. Описание старопечатных и рукописных книг библиотеки Екатеринбургского духовного училища // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. Вып. 3. С. 146–196 (в соавт. с П. И. Мангилевым) (2,0 п. л. / 1,0 п. л.).

10. О первом опыте частного книгоиздания в России // Проблемы истории русской книжности, культуры и общест-

венного сознания Новосибирск: Наука, 2000 (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 20). С. 225–231 (0,5 п.л.).

11. Из истории организации единовременной типографии в Москве // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. Вып. 4. С. 143–151 (0,5 п. л.).

12. Особенности художественного оформления старообрядческих изданий XVIII – начала XX вв. // Вестник музея «Невьянская икона». Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. Вып. 1. С. 141–167 (2,0 п. л.).

13. Коллекция рукописных и старопечатных книг музея «Невьянская икона» // Вестник музея «Невьянская икона». Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. Вып. 1. С. 32–55 (в соавт. с С. А. Белобородовым) (2,0 п. л. / 1,0 п. л.).

14. Бурцов Василий Федорович // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003. Т. VI: Бондаренко – Ворфомей Эдесский. С. 384–385 (в соавт. А. А. Туриловым) (0,2 п. л. / 0,1 п. л.).

15. Электронная база данных «Рукописные и старопечатные книги кириллической традиции Уральского региона» // Федоровские чтения. 2005. М.: Наука, 2005. С. 437–442 (0,6 п. л.).

16. Об издательском репертуаре типографии Л. А. Гребнева в Старой Тушке // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. Вып. 6. С. 137–173 (2,5 п. л.).

17. Описание рукописных и старопечатных книг библиотеки Екатеринбургской духовной семинарии (часть 2) // Уральский археографический альманах. Екатеринбург: МПНП «Волот», 2005. С. 487–556 (в соавт. с П. И. Мангилевым) (3,5 п. л. / 1,0 п. л.).

18. Нижегородское Евангелие 1613 г. Описание экземпляров // Вестник музея «Невьянская икона». Екатеринбург: Издательский дом «Автограф», 2006. Вып. II. С. 168–183 (в соавт. с С. А. Белобородовым и А. Г. Мосиным) (2,0 п.л./ 1,0 п.л.).

19. Сводная электронная база данных кириллических книг Уральского региона // Информационный бюллетень РБА. СПб.: Изд-во РНБ, 2007. № 41. С. 33–35 (0,4 п. л.).

20. Обзор фондов рукописных и старопечатных книг коллекций Урала: подготовительные материалы к региональной электронной базе данных // Информационный бюллетень РБА. СПб.: Изд-во РНБ, 2007. № 41. С. 44–52 (в соавт. с П. И. Мангилевым) (0,7 п. л. / 0,35 п. л.).

21. Размышления по поводу гипотезы о существовании в XVI в. типографии в Казани // Федоровские чтения. 2007. М.: Наука, 2007. С. 122–131 (0,5 п. л.).

Подписано в печать 05.04.2013. Формат 60x84 1/16

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 2,5

Тираж 130 экз. Заказ № 797

Отпечатано в типографии ИПЦ УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

102